ИЗВЕСТИЯ

М. Э. МАТЬЕ — ЭРМИТАЖНАЯ СТАТЬЯ ПИСЦА МААНИ-ИМЕН

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ
АМУЛЕТЫ В ФОРМЕ ГЛАЗА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ
ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКИЙ ТЕРМИН 'МЕТАЛЛ'

Т. IX
В. 3

1931

10 к.

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том I. 10 р.

Содержание: Орешников, К нумизматике преемников Аспурга; Ильин, Монеты великого княжества Черниговского конца XIV в.; Ильин, Монетный двор в Ярославле; Латышев. Заметки по греческой эпиграфике; Бартольд, Персидское арк, „крепость“, „цитадель“; Протасов, Кашинские памятники; Крюгер, Надгробие Леокса, сына Моллагора; Марр, Фрагмент халдской надписи из Алашкерта; Тураев, Египетские рельефы с изображениями погребальных процессий Музея Изящных Искусств; Гесс. Композиция человеческой фигуры в египетском рельефе и рисунке; Ольденбург, Организация археологического изучения Индии; Шилейко, Заметки по семитической эпиграфике; Орбели, О двух терминах в надписях Ани; Тройницкий, Рубль Ланского; Рончевский, О древне-римских плафонах; Вальдгауер, Килик с надписью Ἐπίδρομος καλός в Эрмитаже; Тураев, Папирус Прахова; Боровка, Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана; Фармаковский, Серебряная чаша Новороссийского музея: Романов. О времени построения звонницы Успенского собора в Звенигороде; Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья; Вальдгауер, Статуарный тип Гипноса; Струве, Сенаар и Египет; Тройницкий, Б[illegible]ровальник Екатерининского времени; Тревер, Бронзовая ножка канделябра из Нахчавана; Васильев, Готы в Крыму. I; Тройницкий, О гербе Смоленском; Шилейко, Документы из Гюль-тепе; Гамалов-Чураев, Монеты острова Кимола; Ильин, Две монеты князя Андрея; Шкорпил, Два надгробия, найденные в Керчи; Гамалов-Чураев, Золотая монета Уроша II Милутина; Орбели. Описание Версаля в армянской записи 1683 г.

Том II. 5 р.

Содержание: Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан; Фармаковский, Горит из кургана Солохи; Струве, К истории патесиата Гишху; Латышев, Заметки по греческой эпиграфике; Латышев, Неизданные Боспорские надписи; Рыдзевская, Холм в Новгороде: Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья; Смирнов, О времени появления константинопольской Ксилопорты; Максимова, Одиссей у Кирки по чашам Бостонского музея; Орешников, Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах; Книпович, Три вазы стиля Вурва в Эрмитаже; Розенберг, Персидская миниатюра конца XVI в.; Бартольд, Монеты Улугбега; Боровка, Бронзовый олень из Ульского аула; Мюллер, Пейзажи Нотбека; Вальдгауер, Афродита Урания и Афродита Пандемос; Кубе Антуан Бенуа; Васильев, Описание византийских гирь и эксагиев; Бакланов, Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве; Романов, Два антиминса XVII в. Ферапонтова Белозерского м-ря; Тревер, Краснофигурный лекиф с изображением Артемиды; Миллер, Изображения собаки в древностях Кавказа; Марр, Яфетические названия красок и плодов в греческом; Марр, Каппадокийцы и их двойники: Зограф, Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики; Бартольд, Восточно-иранский вопрос.

Том III. 5 р.

Содержание: Золотарев, Работы этнологической экспедиции в Тверск. и Рыбинск губ.; Тройницкий, Исаак Брукнер и его универсальные солнечные часы; Алексеев Судьбы китайской археологии; Пиотровский, Панафинейская амфора Елисаветинского кургана; Гесс, Ушебти и саркофаги к ним Эрмитажа и Музея Изящных Искусств; Фриде, Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам; Шилейко, Молитва ночным богам в собрании Лихачева; Лихачев, Датированные печати Византии; Ернштедт, Две терракотовые архаические маски Эрмитажа; Флиттнер, Египетские цилиндры собрания Голенищева; Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении; Марр, Заметки по яфетическим клинописям; Фасмер, Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики; Токарский, Об основной мере длины в древней Армении; Измайлова, Описание византийских печатей, хранящихся в Академии.

М. Э. МАТЬЕ

ЭРМИТАЖНАЯ СТАТУЯ ПИСЦА МААНИ-ИМЕН

Статуя писца Маани-Имен, числящаяся под № 741 в собрании Отделения Древнего Востока Гос. Эрмитажа, была доставлена в Эрмитаж в 1881 г. из Академии наук. В „Inventaire“ Голенищева имеется ее краткое описание, при чем надпись не транскрибирована и не переведена за исключением имени самого покойного и имен его родителей.

Статуя сравнительно не велика: в высоту она имеет 0,367 *м*, в ширину (с базой) 0,201 *м*.

Сделана статуя из известняка, причем вся она была раскрашена: лицо и руки окрашены темной красновато-коричневой краской, веки, зрачки и волосы — черной, белки — белой. Статуя сохранилась сравнительно хорошо: повреждено левое колено, на обеих щеках имеется по царапине, глубокая царапина идет по спине, отбит кусок базы.

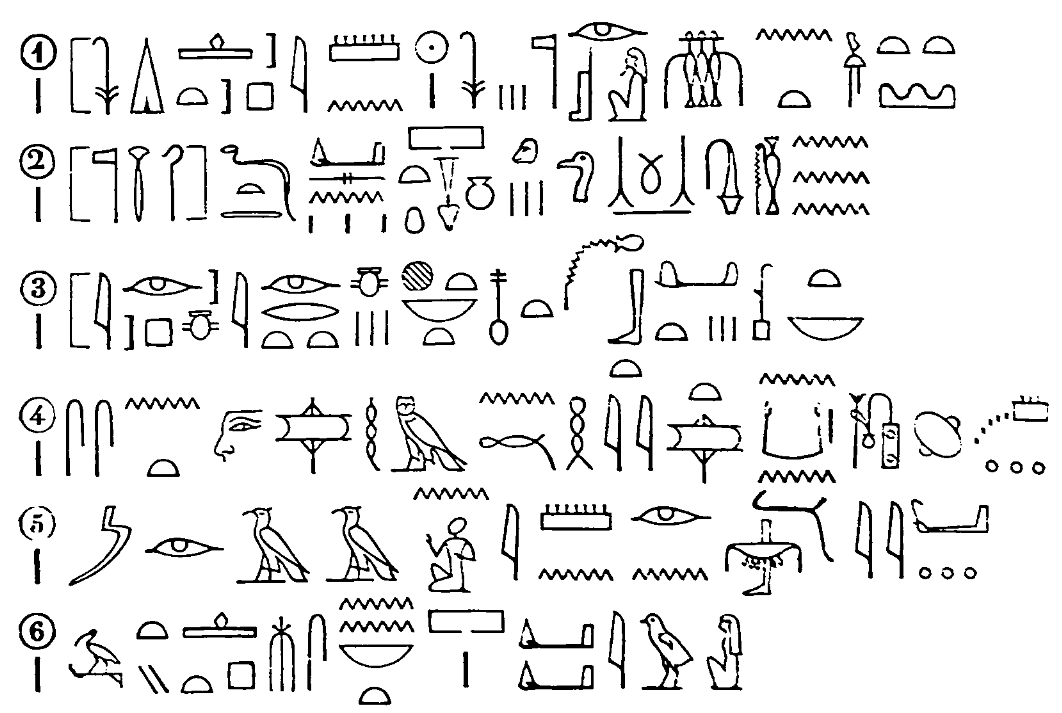
Статуя представляет собой мужскую фигуру, сидящую на земле; ноги согнуты в коленях и прямо поставлены перед туловищем, руки, согнутые в локтях, скрещены на коленях. Фигура одета в длинную сплошную одежду, из-под которой видны только кисти рук. Линии тела слегка намечаются сквозь одежду.

На голове надет парик, характерный для эпохи XVIII династии. Волосы идут прядями во все стороны от макушки, оставленной гладкой, при чем на лбу и сзади на концах эти пряди оканчиваются локонами, обозначенными четырьмя косыми линиями. Спереди, начиная с ушей и до плеч, волосы идут также локонами, трактованными в виде прямоугольника, каждый из которых покрыт косыми линиями. Из-под парика над висками выглядывают настоящие волосы, они слегка рельефны и так же, как парик, покрыты черной краской.

Под подбородком имеется искусственная привязная бородка. Лицо тонкой и тщательной работы; черты несомненно индивидуальны. Левый глаз кажется выпуклее правого, уголок его у носа более закруглен, у правого он более вытянут. Нос прямой, губы довольно толсты. Отмечены складки между носом и глазами. Уши слишком велики.

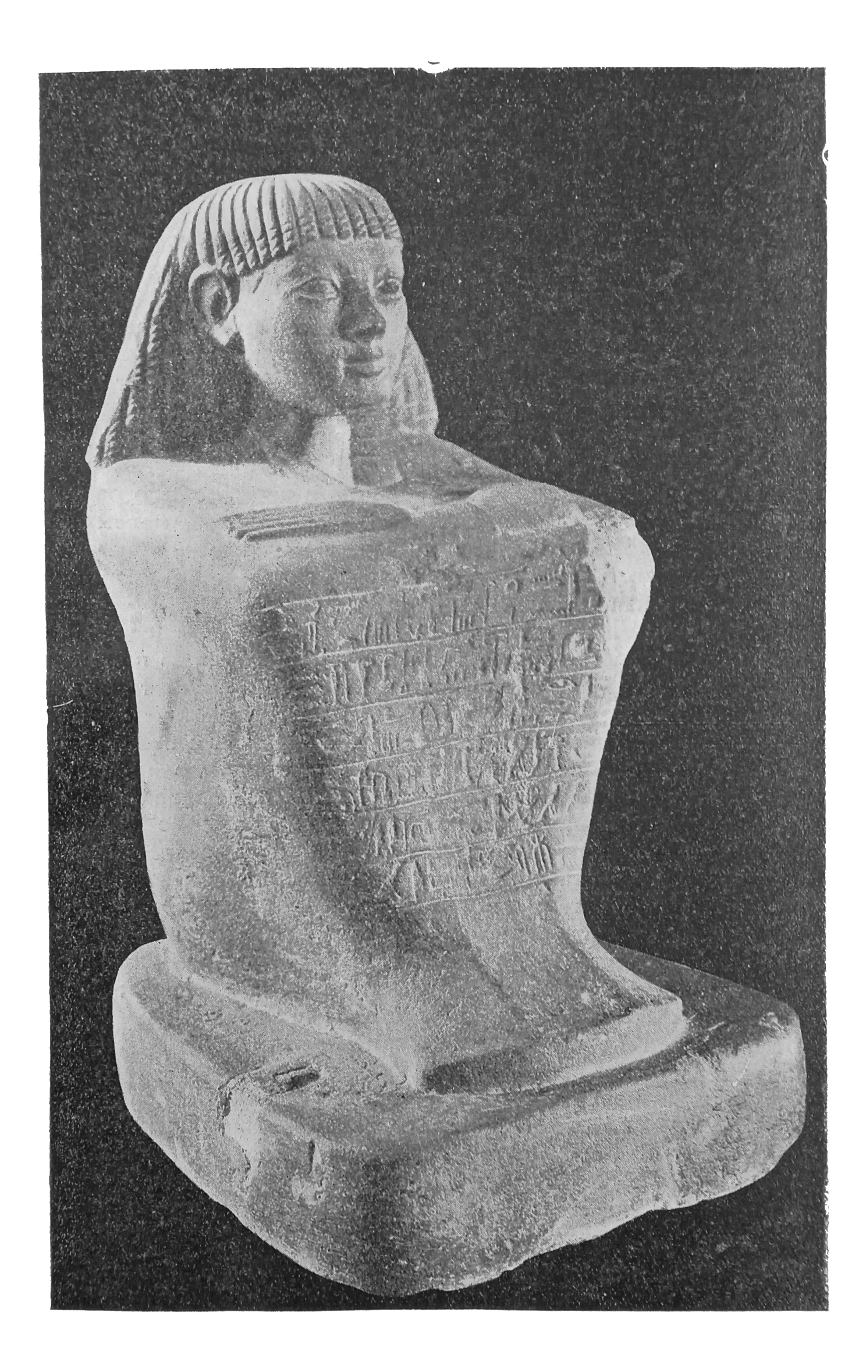
На одежде спереди имеется надпись, сделанная слева направо довольно четкими иероглифами, расположенными в шести строках. Надпись представляет собой обычную заупокойную молитву на имя Амона-Ра и Осириса. Начало трех первых строк, к сожалению,

не сохранилось, но, тем не менее, возможно восстановить исчезнувшие иероглифы. В первой строке, несомненно, стояло неизбежное начало таких заупокойных формул: , при чем остатки последнего слова еще виднеются. Вторая строка легко дополняется, если принять во внимание контекст: первая строчка оканчивается эпитетом Осириса ; первое сохранившееся слово второй строки „вечность“; следовательно, вероятно, пропало „бог великий, владыка (вечности)“ (ср. хотя бы надпись на статуе № 19 Лейденского музея („Beschreibung der Aegyptischen Sammlung des Niederlandischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden“, V, табл. VII). Что касается до начала третьей строки, то здесь стояло, вероятно, название какого-нибудь приношения, так как контекст представляет собой перечень даров; ясно виден знак и сосуд , детерминатив напитка; может быть, можно рассмотреть и остаток ; мне кажется, всего вероятнее читать здесь „вино“. Таким образом, вся надпись восстановляется довольно легко:



„Жертва, которую дает царь Амону-Ра и Осирису, вождю запада, богу великому, владыке вечности, да дадут они жертву из хлеба, пива, быков, гусей, платьев, ладона, благовонных мазей, масла, вина, молока, вещей всяких прекрасных, чистых, приношений цветущих всяких, вдыхания ветра сладостного северного — для Ка писца счета зерна Маани-Имен, сына начальника золотых дел мастеров Тхути-Хотеп, рожденного владычицей дома Дидну“.

Поза нашей статуэтки, такая неудобная на первый взгляд, является излюбленной позой отдыха египтян. Еще и теперь, по словам путешественников, можно видеть феллахов, отдыхающих



от работы, сидя на земле и положив руки на колени согнутых ног.

Точно так же любили сидеть и древние египтяне, как мы это видим по тем фигурам, которые были находимы в таком большом количестве в гробницах Древнего Царства (Maspero, Egypte, рис. 163). Эту же позу отдыха и спокойствия стали с эпохи Среднего Царства иногда принимать и заупокойные или посвящаемые в храм статуи. Правда, в эту эпоху подобный тип встречается еще редко, причем характерной особенностью является почти всегда отсутствие шеи. Примером могут служить:

1) Небольшая (0,067 *м*) статуэтка из порфира, находящаяся в Московском музее изящных искусств (№ 2741). Статуэтка хорошо датируется, так как надпись дает оба картуша Аменемхета I.

2) Диоритовая статуэтка правителя дома Нахта (Каирский музей, № 477. Borchardt, Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten, II, табл. 79).

3) Начальника различных экспедиций и заведующего работами по добыче камня и золота Сахатора, современника Аменемхета II, наблюдавшего за изготовлением 10 заупокойных статуй последнего (Британский музей, № 143; Budge, A guide to the egyptian collections in the British Museum, 1909, табл. XXIV).

Начиная с XVIII династии такие статуи получают все большее и большее распространение, при чем здесь можно уже проследить различные изменения, которые претерпевает данный тип статуи. Эпохи XVIII, XIX, XX и XXI — XXII династий дают каждая свои характерные особенности, сменяющие одна другую и позволяющие с точностью датировать те или иные памятники. Следует оговориться, что, несмотря на сравнительное обилие материала, все же он настолько случаен, что далеко не всегда можно даже установить просто хронологически непрерывную цепь памятников.

Среди статуй нашего типа от эпохи XVIII д. мы имеем, во-первых, две знаменитые статуи одного из наиболее приближенных вельмож царицы Хатшепсут, всесильного временщика Сенмута с дочерью Хатшепсут, царевной Нефру-Ра, на коленях (Legrain, Statues et statuettes des rois et des particuliers, I, табл. LXVI; Берлинский музей, № 2296). Затем идут статуи: 1) визиря Усера (Louvre; Capart, Recueil de monuments égyptiens, табл. LXXI); 2) князя, хранителя печати, начальника дворца Кен-Нофера (Британский музей, № 556; Budge, Egyptian sculptures in the British Museum, табл. XXVIII); 3) князя храброго Исака (Москва, Музей изящных искусств, № 1058; Тураев, Описание египетского собрания, стр. 20, № 39, табл. IV, 3); 4) князя, посланца фараона в землях Фаюма, начальника жрецов Собка Фаюмского, князя фаюмского Себек-хотепа (Марсельский музей; Recueil de travaux, I, стр. 107; Capart, ук. с., табл. LXXIII; Aegyptische Zeitschrift, 63, стр. 114); 5) князя, начальника работ юга и севера Ра (Афинский музей, № 920; Capart, ук. с., табл. LXXII); 6) князя, хранителя печати, очень близко стоящего ко двору вельможи Менхеперрасенеба (Каирский

музей, № 547; Borchardt, ук. с., II, табл. 91); 7) князя гераклеопольского Хотепа (Каирский музей, № 563; Borchardt, ук. с., II, табл. 95); 8) царского писца Аменемхета (Каирский музей, № 566; Borchardt, ук. с., II, табл. 96); 9) посланца фараона Мин-нахта (Моск. музей из. иск., № 4070; Тураев, ук. с., стр. 21, № 40); 10) нашего писца счета зерна Маани-Имен; 11) писца книг Аменхотепа (Туринский музей, № 3085; Bissing-Bruckmann, Denkmäler, Text, стр. 51—52).

Сопоставив эти статуи, мы видим, что это несомненно произведения одной эпохи, что для некоторых подтверждают и надписи, определенно датирующие их XVIII династией. В некоторых случаях отсутствует шея (Усер, Ра, Исак, Менхеперрасенеб, Аменемхет, Себек-хотеп)—наследие Среднего Царства. Характерным для этой эпохи является то, что все туловище статуи заметно расширяется к коленям и суживается к ступням. Линии тела живо чувствуются под широкой одеждой; вообще, я бы сказала, что статуя производит впечатление вполне живого человека, а не „пакета с головкой“, как довольно справедливо назвал Масперо такие же статуи последующих эпох (Maspero, Egypte, стр. 254).

Переходя к эпохе XIX—XX династий, мы видим несколько другие черты. Расширяющееся кверху и суживающееся к ступням туловище встречается только в виде исключения (статуя царского писца Са-раи, Каирский музей, № 42167; Legrain, ук. с., II, табл. XXXI), точно также и низкие приземистые фигуры; общераспространенным типом является длинная, как бы вытянутая фигура, ровная сверху донизу, причем статуи приобретают известную строгость и безжизненность.

Статуй подобного типа встречается очень много; как на лучшие экземпляры можно указать хотя бы на статую первого жреца Амона Карнакского Бекенхонсу (Каирский музей, № 42155; Legrain, ук. с., II, табл. XVIII) или на статую неизвестного (Каирский музей, № 42172; Legrain, ук. с., II, табл. XXXVI). Тонкие строгие лица, тщательно отделанные сложные парики, четкие надписи — отличительные черты этих статуй.

Некоторые зачатки такого стремления к вытягиванию и застыванию фигуры можно отметить еще и в XVIII д. — я имею в виду статую Аменхотепа, сына Хапи, знаменитого современника Аменхотепа III (Каирский музей, № 583; Borchardt, ук. с., табл .100—104).

Иногда из-под одежды бывают видны ноги сидящего, реже — руки (статуя начальника царских писцов Уннофера, Каирский музей, № 42170; Legrain, ук. с., II, табл. XXXIV; статуя писца сокровищницы Амонуахсу, Каирский музей, № 42183; Legrain, ук. с., II, табл. XI; статуя начальника сокровищницы Иупа, Каирский музей, № 567; Borchardt, ук. с., II, табл. 96).

Наряду с изящными произведениями хорошей работы встречаются и грубые, тяжелые вещи, как, например, статуя первого царского глашатая Усерхата (Каирский музей, № 42181; Legrain, ук. с., II, табл. XLIV) или только что упомянутая статуя писца сокровищницы Амонуахсу. Однако и здесь заметно это ровное снизу

доверху туловище, теперь действительно напоминающее, по выражению Масперо, пакет с головкой.

Новой чертой по сравнению с эпохой XVIII дин. являются скульптурные изображения божеств, которые делаются перед фигурой,[1] а также наосы со статуэтками богов и фараонов.[2] Иногда передняя сторона статуи украшается фигурами божеств, сделанными врезанным рельефом.[3] Обычно делалось изображение или бога той области, откуда происходил человек, посвятивший статую, или же того бога, которого он лично почему-либо особенно почитал.

Интересны очень редко, правда, встречающиеся статуи в обычной складчатой одежде живых, а не в широкой бесформенной рубашке, окутывающей все тело. Как на пример укажу на 1) статую Пиаи (Каирский музей, № 553; Borchardt, ук. с., II, табл. 92), одетого в полный костюм живых людей, до сандалий и пекторали включительно, и 2) статую писца сокровищницы Самута в Лейдене (Beschreibung der Aegyptischen Sammlung des Museums in Leiden, табл. X), которую я отношу также к этой эпохе (в виде довольно близкой аналогии по стилю указала бы на уже упомянутую мною выше каирскую статую Бекенхонсу).

Характерно, что в эту эпоху появляются и ушебти в одежде живых.

XXII и XXIII династии дают нам целый ряд первоклассных вещей совсем другого типа. Я имею в виду следующие статуи: I. Членов жреческой фамилии Несрамон-Небнетеру; 1) князя, жреца Амона, начальника города Несипакашути, сына 3-го жреца Амона, второго жреца Мут (Каирский музей, № 42232; Legrain, ук. с., III, табл. XL и XLI); 2) жреца Амона Несрамона, сына жреца Амона, Хори (Каирск. муз., № 42221; Legrain, ук. с., III, табл. XXIX); 3) сына его, жреца Амона, начальника писцов храма Амона, Хори (Каирск. муз., № 42219; Legrain, ук. с., III, табл. XXVII); 4) сына этого Хори, жреца Амона Джедмутиуфанха (Каирск. муз., № 42220; Legrain, ук. с., III, табл. XXVIII); 5) правнука его, жреца Амона, жреца Хатор Джедбастиуфанха (Каирск. муз., № 42224; Legrain, ук. с., III, табл. XXXI); 6) князя, хранителя печати, жреца, открывающего двери в Карнаке, великого видением упокояющего сердце Ра-Атума в Фивах, Небнетеру, сына князя, хранителя печати, жреца Амона, начальника города Несрамона (Каирск. муз., № 42225; Legrain, ук. с., III, табл. XXXII), 7) две прекрасные статуи князя, единств. семера, жреца Амона Хори, внука обладателя предше-

[1] Статуи: a) царского писца фараона Амонмеса (Каирск. муз., № 42169; Legrain, ук. с., II, табл. XXXIII);; b) писца войск Раи (Borchardt, ук. с., табл. 115; Каирск. музей, № 627).

[2] Статуи: a) начальника царских писцов Уннофера (Каирский музей, № 42170; Legrain, II, XXXIV); b) верховного жреца Онуриса Анхурмеса (Каирск. муз., № 582; Borchardt, ук. с., II, табл. 100); c) две статуи начальника сокровищницы Хаи (Каирск. муз., № 606 и 604; Borchardt, ук. с., II, табл. 110 и 109).

[3] Статуи: a) царского писца истинного, начальника сокровищницы Иупа (Каирск. муз., № 567; Borchardt, ук. с., II, табл. 96); b) носителя опахала справа от царя (Каирск. муз., № 548; Borchardt, ук. с., II, табл. 91).

ствующей статуи (Каирский музей, № 42226 и 42227; Legrain, ук. с., табл. XXXIII и XXXIV). II. Членов семьи Джедтхутииуфанха, называемого Нахтефмути: 1) князя, хранителя печати, единств. семера, жреца Амона Нахтефмути (Каирский музей, № 42209; Legrain, ук. с., III, табл. XVII); 2) сына его, обладателя тех же титулов, Хорсаэси, женатого на царевне Ист-урт (Каирск. музей, № 42210; Legrain, ук. с., табл. XVIII); 3) сына последнего, обладателя тех же титулов, Джедхонсуиуфанха (Каирск. музей, № 42211; Legrain, ук. с., III, табл. XX); 4) князя, хранителя печати, жреца Амона Джедхонсуиуфанха (Каирск. музей, № 42216; Legrain, ук. с., табл. XXV) и друг.

Перед нами прекрасные портретные вещи с живыми, хорошо переданными лицами. Повидимому, вообще этот тип статуи был особенно излюблен в эту эпоху (см. Maspero, Egypte, стр. 254). Следует отметить изменение пропорций: статуи опять суживаются книзу и расширяются кверху, возвращаясь таким образом к пропорциям XVIII династии. Небольшие бородки формы △ и типы париков также напоминают нам о той эпохе, к искусству которой вообще во многом возвращается искусство XXII дин. и в нем и далее, в искусстве Фив Среднего Царства, ищет для себя образцы.

Характерным для XXII—XXIII дин. является также широкое распространение на статуях врезанных рельефов, появление которых мы наблюдали в XIX династии. Теперь они встречаются чрезвычайно часто и изображают обычно сцену приношения покойником даров какому-либо божеству (рельефы в эпоху XXII дин. распространяются вообще на статуях самых различных типов). Так же, как и в предыдущие эпохи, наряду с первоклассными вещами мы имеем большое количество статуй как средней, так и просто грубой работы; обычно такие статуи принадлежат менее важным жрецам и т. п. людям, не имевшим достаточно средств для заказа статуи у хорошего мастера. Как на пример таких статуй можно указать на статую жреца Педимута (Каирск. музей, № 42218; Legrain, ук. с., III, табл. XXVI) или жреца Джедхонсуиуфанха, внука одноименного владельца статуи Каирского музея № 42211 (Каирский музей, № 42217; Legrain, ук. с., III, табл. XXVI).

В Саисскую эпоху наши статуи принимают совсем новый вид: одежда уже не окутывает фигуры до самой земли, оставляя непокрытыми только голову и кисти рук. Теперь руки совсем обнажаются, ноги также видны выше щиколотки из-под ставшей короче и у́же одежды, в то время как все линии тела очерчены отчетливо и ясно (статуя неизвестного в Болонье, № 125; Bissing, ук. с., text, 51 и 52; статуя Баса, Моск. муз. из. искуств, № 4068; Тураев, ук. с., № 41). У нас в Эрмитаже имеется небольшая статуэтка этого типа. Эта статуэтка № 2567, из твердого зеленоватого камня, изображающая фигуру с наосом, внутри которого находится изображение Осириса; гладкий парик, характерный для этой эпохи, и привязная бородка украшают голову. На спине имеется надпись в четыре столбца неглубоко врезанных, плохо сохранившихся

иероглифов, заключающая в себе имена и титулатуру покойного и его двух сыновей.

В начале эпохи изредка встречаются статуи, напоминающие некоторые вещи предыдущей эпохи, напр.: 1) князя города, писца храма Амона (Каирский музей, № 42249; Legrain, ук. с., III, табл. III); сына предыдущего, жреца Монту, Хамахора (Каирск. музей, № 42250; Legrain, ук. с., III, табл. LIII).

Переходя к Птолемеевской эпохе, следует отметить еще большее подчеркивание линий тела, еще большую законченность и суховатое изящество гладко отполированных, холодных статуй (Имхотеп, Москва, № 1387, Тураев, ук. с., табл. VI, 1). Надписи иногда покрывают всю статую; они очень длинные, перемешаны с рельефами, как крупными, так и мелкими, и носят иногда магический характер (см. статую Хор-Хебит, Москва; Тураев, ук. с., табл. XI, 3).

Кто же были люди, которые заказывали эти статуи, чтобы поставить их затем в длинном ряду таких же статуй в храме и увековечить таким образом и перед людьми, и перед богами свое пребывание в храме? Уже самое назначение этих статуй указывает на тот класс людей, который являлся их заказчиком: хотя номинально правом на постановку своей статуи в храме, особенно таком великолепном храме, как Карнак (а большинство наших статуй происходят оттуда), может быть, и мог пользоваться каждый, но фактически это делали только богатые или знатные люди. Самая стоимость изготовления такой статуи, особенно если она сделана из дорогой породы камня и у лучших скульпторов, была, очевидно, доступна сравнительно немногим. Недаром же самые крупные статуи (больше чем в метр вышиною) принадлежат как раз верховным жрецам Амона Бекенхонсу и Рома-Рои, одним из наиболее могущественных из длинного ряда первосвященников Карнака, сосредоточивших в своих руках те поистине несметные богатства, которые на свою собственную гибель дарили фиванскому Амону египетские фараоны.

И действительно, из перечисленных мною статуй различных эпох видно, что владельцы их в громадном большинстве случаев принадлежат к высшей знати, духовной или светской, точнее — той, которая в данную эпоху играет в государстве (а иногда следует оговориться — в Фивах) доминирующую роль.

Так, в эпоху XVIII династии, при сравнительно могучих фараонах и играющих еще в общем относительно незначительную роль первых жрецах Амона,[1] большинство наших статуй принадлежит светским вельможам[2] (визирям, начальникам города, близким к фараону

[1] За исключением отдельных моментов, как, например, при Хапусенебе, Менхеперрасенебе или Птахмесе, которые имели большую власть и важные чины, пользуясь временными ослаблениями власти фараонов — см. Lefébure, Histoire des grands prêtres d'Amon à Karnak, Paris, 1929.

[2] В тех случаях, когда они носят и жреческие титулы, это имеет второстепенное значение; так, напр., Себекхотеп владеет званием начальника жрецов, — вероятно, вследствие того, что он является главой данной местности и в силу этого считается верховым жрецом местного бога, и т. д.

людям, которые часто воспитывались при дворе, как, напр., Ра или Менхеперрасенеб, или же матери которых были царскими кормилицами, как мать Себек-хотепа).

С конца же XIX династии и дальше, а особенно в эпоху XXI—XXII династий владельцами наших статуй являются если не всегда сами первосвященники Карнака, то представители не менее могущественных фиванских жреческих фамилий, игравших первые роли в управлении Фивами поздних эпох.

Я отмечала уже, что статуи каждой эпохи имеют свои особые общие отличия (помимо частных, объясняемых стилем той или иной школы, местности, качеством работы данного скульптора и т. д.). Эти нововведения, отражая в той или иной форме идеологию каждой новой выдвигающейся социальной группировки, в условиях египетского общества идут с верхов и, распространяясь среди высших классов, как всякая новая мода, доходят позже до людей, занимающих менее высокое положение в обществе, до рядовых жрецов, до богатых ремесленников и т. д. Но последние, позднее перенимая новый стиль от высших классов, гораздо дольше и удерживают его; поэтому, например, статуя ц. писца Сараи, жившего уже в эпоху XIX дин., выдержана еще в пропорциях, близких к предшествующей эпохе, тогда как такие важные особы, как первосвященник Бекенхонсу или же Рома-Рои или начальник сокровищницы и верховный главнокомандующий Рамсеса II (Каирск. муз., № 42172), имени которого мы не знаем, придававшие согласно новому стилю вытянутые формы своим статуям, конечно, такой старомодной статуи себе бы не заказали. И недаром, как кажется, первой попыткой введения еще в XVIII д. этих новых форм, которые так широко развились в эпоху XIX—XX династий, является статуя знаменитого Аменхотепа, сына Хапи, значительнейшего человека своего времени.

Вопросы о смене стилей, как результате определенных социальных сдвигов, в изучении египетского искусства еще никак не ставились. Настоящая статья никоим образом не претендует на разрешение каких-нибудь крупных методологических проблем — здесь, в связи с опубликованием одной статуи Эрмитажа, приведены некоторые наблюдения над определенной группой памятников, объединенных общим назначением. Более полное разрешение затронутых вопросов возможно, конечно, только в результате анализа *всего искусства* данной эпохи с точным учетом классовых отношений в обществе Нового Царства, в свою очередь, к сожалению, до сих пор еще не разрешенных.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

АМУЛЕТЫ В ФОРМЕ ГЛАЗА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ
('глаз'→'солнце'→'жизнь')

Среди древнеегипетских амулетов часты амулеты в виде глаза, как правого, так и левого, называемые wḏꜣ.

Широкое употребление выделяет этот амулет из ряда других употреблявшихся в магии амулетов, как обладающий особой защитительной силой.

Это же изображение глаза встречается и в изобразительных памятниках в персонифицированном виде, снабженное руками, держащими различные предметы (знак жизни, змею и др.), а иногда к изображению глаза присоединяются крылья.

На магической стеле Меттерниха подобные два wḏꜣ расположены по бокам центральной группы, и я думаю, что прав В. С. Голенищев,[1] усматривающий в этих wḏꜣ солнце и луну, правы и те исследователи, которые видят в амулетах wḏꜣ изображение космических глаз — солнца и луны: правый глаз — солнце, левый — луна.[2]

Представление о космических глазах — солнце и луне — явственно выступает в Древнем Египте.

Уже в пирамидах[3] имеем текст: „глаза Гора: темное и светлое. Берешь ты их перед собой, светлое из них перед лицо твое". Следуя Коцеиовскому,[4] я полагаю, что в данном случае глаза Гора представляют солнце и луну.

Один из терминов 'небо' в текстах пирамид[5] является производным от глагола ptr — 'смотреть' — ptr 'небо', т. е. „смотрящая", притом двумя глазами, как показывает детерминатив.

Стела из Неаполя[6] дает нам текст, относящийся к солнечному богу: „правый глаз это солнечный диск, левый глаз это луна".

Текст, изданный Бругшем:[7] „Гор, освещающий землю блеском своих глаз", помещен над двуликим копчикоголовым божеством, увенчанным глазом.

1 W. Golenischeff, Metternichstele, стр. 6.

2 A. Wiedemann, Die Amulette der Ägypter, стр. 17.

3 Тексты пирамид, 33 a, b (Sethe).

4 А. Л. Коцеиовский, Тексты пирамид, т. I (Одесса, 1917), стр. 83.

5 Тексты пирамид: 468, 852, 1078, 1203, 1680 (Sethe).

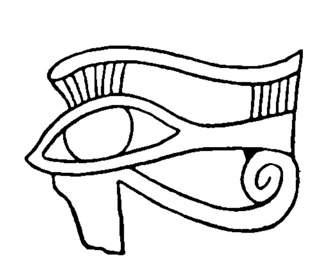
6 H. Brugsch, Thesaurus inscriptionum Aegypticarum, IV, стр. 632.

7 H. Brugsch, ук. соч., стр. 776.

В гимнах оазиса Эль-Карге[1] мы встречаем: „(он тот), которого видят в его блестящих глазах... и оба глаза его светят“, или: „его левый глаз, который любят все люди, — луна“.

Подобные примеры бесчисленны в египетских текстах начиная с Древнего Царства и кончая римской эпохой.

Плутарх в своем трактате об Исиде и Осирисе (гл. 52) сохранил нам это же представление, рассказывая о празднике в честь рождения глаз Гора.



Языковой материал только дополняет свидетельства текстов: так, для слова ʽсолнцеʼ употреблялся термин ʽправый глазʼ или ʽзападный глазʼ, а для ʽлуныʼ ʽлевый глазʼ, ʽвосточный глазʼ.

Пиктографическое письмо Древнего Египта с детерминативами, дающими богатый материал для палеонтологии речи, сохранило нам представление о ʽсолнце-глазеʼ и в названии ʽместа восхода солнцаʼ, детерминируемого глазом и горой.

Китайское иероглифическое письмо также сохранило нам связь ʽглазаʼ, ʽсолнцаʼ и ʽлуныʼ.[2] Такая связь прослеживается и в грузинском языке: ϑ-val ← ϑowal ʽглазʼ, ϑ-vare ← ϑo-war-e || *ϑo-vel (ϑve) ʽмесяцʼ.[3] С другой стороны, грузинское mze ʽсолнцеʼ связано с mzera ʽсмотретьʼ, что в свою очередь происходит от ʽглазаʼ.[4]

Та же связь и в древнеегипетском: mȝȝ ʽвидетьʼ, с детерминативом глаза или двух зрачков и mȝw-t ʽблеск солнцаʼ.

В религиозном представлении Древнего Египта глаз играл особо важную роль, являясь иногда местом пребывания души бога. В тексте магического папируса Harris[5] мы читаем: „Амон, скрытый в зрачке своем, душа светит в глазу его, чудесный образами, великолепный, нельзя познать его. Лучистый образами своими, видим он благодаря блестящему глазу своему“.

[1] H. Brugsch, Reise nach der grossen Oase El-charge (Lpzg., 1878).

[2] Н. Я. Марр, Китайский язык и палеонтология речи, ДАН-В, 1926, стр. 93.

[3] Н. Я. Марр, Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи, ДАН-В, 1927, стр. 101.

[4] Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 101.

[5] H. O. Lange, Der Magische Papyrus Harris, H. 1 — H. 9.

Магию глаза мы встречаем с самых ранних стадий человеческой культуры. Так, у первобытных охотников палеолита наличны костяные пластинки с реальным изображением глаз[1] — изображение, которое позднее графически совпало с изображением солнца.

В Египте мы встречаем глаз, обладающий „жизненной силой"; так, в мифе об Осирисе Гор воскрешает своего отца, дав ему проглотить свой глаз.

В иероглифическом письме недаром глаз стал идеограммой глагола 'делать'; этот же знак означал и 'производить', 'зачинать'.

Идеограммой глаза обозначались и 'люди' ; выражение „глаз каждый", в смысле „каждый человек", может быть, и не является просто метафорой.[2]

В приведенных примерах, я полагаю, мы имеем 'глаз' как податель жизни по связи с 'солнцем', что и сохранилось в мифе о создании людей солнечным богом.[3]

В мифе рассказывается, что богини принесли солнечному богу Ра его глаз.[4] Когда глаз был принесен, то Ра заплакал, и из его слез вышли люди. При интерпретации этого мифа обычно усматривают „игру слов" rmṫ 'люди' и rmy-t 'слезы', как основание для представления о рождении людей из глаза бога, но когда мы имеем представление о 'глазе', как подателе жизни, глубоко укоренившееся в религиозных представлениях Древнего Египта, то интерпретация этого мифа при помощи „игры слов" естественно отпадает. Глаз по своей связи с солнцем является источником жизни.

Древнеегипетский языковый материал отчетливо подчеркивает связь 'солнца' с 'жизнью':

'утро', 'зачинать', 'жить'.

'утро', 'быть беременной'.

И поздние тексты сохраняют нам это же представление:

'рождать', 'светить', 'восходить', 'восточная сторона постройки'; 'светить', 'рождать'.

Представление, возникающее на определенной стадии о том, что люди являются 'детьми солнца', отчетливо сохранилось в тер-

1 А. А. Миллер, Первобытное искусство, рис. 36, стр. 42.

2 H. Grapow, Die bildlichen Ausdrücke des Aegyptischen (1924), стр. 115—116.

3 Gressman, Altorientalische Texte und Bilder zum A. T. (1909), I, стр. 180 (Ranke).

4 В настоящей работе я упускаю связь ока Ра с женским божеством и со змеей (см. K. Sethe, Zur altägyptischen Sage von Sonnenauge das in der Fremde war, стр. 7—14).

мине [hieroglyphs] 'люди' (древнее написание [hieroglyphs], где детерминативом является солнечный диск).

Солнце как податель жизни выступает очень четко не только на языковом материале, но и в изобразительных памятниках и в религиозных гимнах.

„Солнечный бог оплодотворил сам себя", рассказывает илиопольский миф о создании мира. Обычным эпитетом солнечного бога является „оплодотворивший сам себя".

Гимн времени Аменхотепа IV говорит о солнечном боге следующее:[1] „Твой восход прекрасен на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни... ты производишь человеческий зародыш в женщине, ты создаешь семя в мужчине; ты даешь жизнь сыну в теле матери... ты сообщаешь дыхание для оживления всякой твари... о, солнце дня, ужас всякой дальней страны, ты сотворил жизнь людей... Мир в твоей руке таким, как ты создал их (людей). Когда ты восходишь, они живут; когда ты заходишь, они умирают".

Но и до Аменхотепа IV, еще в эпоху Древнего Царства, мы найдем те же представления, уходящие в глубокую древность.

Изобразительные памятники представляют нам солнечный диск, увешанный иероглифами ☥ 'жизнь', на рельефах того же Аменхотепа IV часто изображаются руки (лучи), отходящие от диска и держащие знак жизни.

Этот же знак [hieroglyph] помещается часто и на изображении солнечного диска.

Само слово wḏ' 'глаз' связывается с глаголом wḏ' 'быть здоровым', а также с 'небом', на что указывает детерминатив на саркофаге Хоремхеба в Булакском музее ([hieroglyphs]) или в Дендера, в храме Птолемеевской эпохи ([hieroglyphs]).[2]

Также и др.-груз. слово 'глаз' в kur-ϑq̇al 'слеза' соответствует арабск. ḳor-ān или ḳur+'-aϑ-un, что значит 'солнце', 'живой' и груз. (а) -kur+ϑç̇a ← kur-ϑq̇[an]- 'живой', 'красивый'.[3]

Я полагаю, что в амулете wḏ' мы действительно имеем изображение космических глаз, приносящих здоровье и благополучие, что подтверждается связью 'глаз' → 'солнце' → 'жизнь' ('здоровье'), наблюдаемой как на лингвистическом материале, так и на материале религиозных представлений и изобразительных памятников.

[1] Перевод гимна из Д. Г. Брэстед, История древнего Египта (перевод В. Викентьева), т. II, стр. 52—56.

[2] H. Brugsch, Wb. I, стр. 314.

[3] Лекции Н. Я. Марра в Ленинградском государственном университете 1929/30 уч. г.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ТЕРМИН 'МЕТАЛЛ'

Древнейшим термином металла в Египте является by𓄿 ( ) — 'металл', 'медь', встречающийся с Древнего Царства и доживающий до греко-римской эпохи.[1]

Коптский язык сохранил нам этот термин в усеченной форме, в составных словах: ⲃⲉ-ⲛⲓⲡⲉ ← ⲡⲉⲛⲓⲡⲉ 'железо' (др.-егип. by𓄿 n pt) и ⲃⲁ-ⲣⲱⲧ 'металл' (др.-егип. by𓄿 rwḏ).[2]

Примеры сравнения египетских слов с семитическими, приведенные A. Ember'ом,[3] показывают, что во многих случаях египетскому 𓄿 ( ) соответствуют семитические ר, ל, ل. Так, wḏ𓄿 ( ) 'кладовая' — אוֹצָר; bk𓄿 ( ) 'утро' — בֹּקֶר; ḳq𓄿 ( ) 'веревка' — عِقَال, עֲקַל и др. Неясным остается (в середине слова), но примеры, приводимые A. Ember'ом, показывают, что и тоже близок к r‖l.[4] Таким образом, древнеегипетский термин 'металл' является разновидностью основы ber.

Термин by𓄿 встречается в Египте как в значении 'металла' вообще, так и в значении 'меди', самого древнего из металлов, употреблявшихся для орудий,[5] причем часто этот же термин by𓄿 означает и 'минерал', имея в этих случаях детерминатив камня.[6] В тексте пирамиды Унаса мы встречаем:

[1] „Die dem kopt. ϩⲟⲙⲛⲧ entsprechende Lesung *ḥmt ist nicht zu begründen. Sie könnte in dem seit M. R. belegten Wort für den Erzarbeiter enthalten sein, das ebenfalls hinter bị| aufgenommen ist". Erman-Crapow, Wb., т. II, стр. 99.

[2] W. Spiegelberg, Koptisches Handwörterbuch (H., 1921), стр. 19.

[3] A. Ember, Semito-Egyptian sound-changes, ÄZ, т. 49 (1911), стр. 87—92.

[4] A. Ember, ук. соч., стр. 90.

[5] В додинастической культуре наряду с медью встречается золото, серебро и др. металлы в виде украшений, но металлом для орудий являлась только одна медь. W. M. Flinders Petrie, Prehistorie Egypt (1920).

[6] „ bà (Feldsiege, Thothmes III) wird gewöhnlich durch „Eisen" übertragen, ist aber, wie es nur scheint, durchaus identisch mit den obenaufgeführten bàa für einem sehr harten Stein", Brugsch, Wb., т. II, стр. 375; слово в Erm. Gr. Wb. переводится как „алебастр из Хатнуба".

и [hieroglyphs], в пирамиде Нoферкара [hieroglyphs] и [hieroglyphs].[1]

Эта же основа налична в [hieroglyphs] 'песчаник' и в словах [hieroglyphs] 'рудник' и [hieroglyphs] 'каменоломня'.

Близкая связь камня и металла в Древнем Египте наблюдается и в надписях, где металлы и драгоценные камни помещены вместе[2] и объединены общим термином ꜥꜣt [hieroglyphs] „драгоценные камни".[3] Очень четок в этом отношении пример, приведенный проф. В. В. Струве — в задаче № 62 математического папируса Rhind'a говорится: „пример для вычисления мешка с различными драгоценными камнями ([hieroglyphs]), если тебе сказано: золото в нем, серебро в нем, свинец в нем..." В данном случае одни только металлы объединены термином „драгоценные камни".

Кроме такой связи 'камня' и 'металла', т. е. замены одного материала другим в производстве, мы наблюдаем связь 'камня' и 'металла' не по их физическому материалу, а по определенному назначению. Так, термин [hieroglyphs] 'нож', в значении и 'металлический нож' является производным от [hieroglyphs] 'кремень'.[4]

Археологический материал свидетельствует, что форма кремневого ножа, так широко распространенного в додинастической культуре, при первых династиях переходит в металл.[5]

На основании изложенного материала мы получаем следующий ряд преемственности терминов:

'камень' → 'металл' → 'медь'
|
'кремень' (нож)
↓
'нож' (металлич.).

[1] 30 b (Sethe), равно и в текстах саркофагов; подношение byꜣ царю. L. D. III, табл. 36.

[2] Надпись на скале в Sehêl. H. Brugsch, Sieben Jahre des Hungersnoth, стр. 154—155, табл. XV—XVI; надпись Тутмеса III в Карнаке, L. D. III, 30, b col. 10; надпись Рамсеса II в Мединет Хабу, L. D. III, 210, a. и др.

[3] F. Gensler, „Das Kupferland der Sinai-Halbinsel, ÄZ, т. VIII, стр. 145; Доклад В. В. Струве в Яфетическом институте (1929 г.).

[4] Ср. [hieroglyphs] „твердый камень темного цвета" — [hieroglyphs] „резать (дерево)," последний термин зафиксирован только поздними надписями. Wainwright (Ancient Egypt, 1927, т. III, стр. 92) переводит [hieroglyphs] 'обсидиан'. Обозначение 'кремня' и 'обсидиана' одним термином представляется вполне вероятным.

[5] W. M. Flinders Petrie, Naqada and Ballas, табл. XXIV; металлический нож по W. M. Frinders Petrie, Tombs of the Coutiers and Oxyrhynkhos (L., 1925), табл. V, 2.

Таким образом, древнеегипетский язык сохранил нам только часть семантического ряда: 'рука' → 'камень' → 'металл', устанавливаемого на материале яфетических языков.[1]

Появление металла в додинастическом Египте сигнализует существенные изменения в хозяйственной жизни той эпохи, а в надстроечном мире, в культе и в религиозных представлениях, усиление астральных элементов с выделением так широко развившегося к Древнему Царству культа солнца.

Вообще, так назыв. „бронзовый век“ не только в Египте, но и в других районах сопровождался ростом астральных и, в частности, солярных представлений,[2] поэтому и семантика 'металла', в культовом разрезе, тяготеет к астральным элементам, что в четком виде выступает в яфетических языках.[3]

В текстах пирамид слово [hieroglyphs], в том же самом графическом начертании, что и 'металл' ([hieroglyphs]), означало 'небо'.

В пирамиде Пепи: [hieroglyphs] „выходит он к небу, проплывает он bуꜣ . . .“.[4] Тот же текст мы имеем и в книге мертвых.[5] Это слово bуꜣ 'небо' сохранилось в коптском языке в слове ϩⲣⲟⲩⲃⲃⲁⲓ 'гром',[6] восходящем к древнеегипетскому [hieroglyphs] ('голос неба').

Существенный интерес для палеонтологии речи представляют детерминативы, присоединяемые к этому термину 'небо':

[hieroglyphs]
- (горы)
- (канал)
- (земля)
- (небесный свод)
- (камень? м. б. вода)
- ◇ (металл)

[1] Н. Я. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык (Л., 1928), стр. 34—35; Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (1926), стр. 45.

[2] Вся религиозная символика, выступающая на памятниках „бронзового века“, насквозь проникнута астральными представлениями. S. Déchelette, Le culte du soleil aux temps préhistoriques, Revue archéologique (1909), стр. 305.

[3] Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении. I. ИАН, 1911, стр. 137; Н. Я. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 353; Н. Я. Марр, Об яфетической теории, ПЭРЯТ, стр. 214.

[4] Тексты пирамид, 1121 d. h (Sethe).

[5] Gensler, ÄZ., т. VIII, стр. 145; W. Budge, The Book of the Dead, стр. 130.

[6] Саидский диалект, в Бохайрском ϧⲁⲣⲁⲃⲁⲓ (Spiegelberg, Wb., стр. 14)

Детерминативы этого слова указывают нам на хорошо известные семантические связи 'неба' с 'горой', 'водой', 'камнем'[1] и 'металлом'.[2]

С этим представлением о металлическом небе тесно связан и составной термин для 'железа' byꜣ n pt (букв. „металл неба“), который мы не имеем основания переводить 'метеорным железом'.[3]

Семантическими дериватами от 'небо' являются 'чудо' и глагол 'удаляться', встречающиеся с Древнего Царства. Богиня неба Нут носит в текстах пирамид эпитет „даль“.[4] В древнеегипетском языке мы получаем следующий ряд терминов, производных от основы byꜣ ():

'удаляться' ← 'небо' → *'чудо'*

'камень' → 'металл' → 'медь'.

---

[1] О каменном небе в Египте см. Gensler, ÄZ., VIII, стр. 145; Stern (Die Säule aus Philae in Berlin, ÄZ., XXII, стр. 53, 2), отмечая металлическое небо у древних египтян и сопоставляя его с χάλκεος σιδήρεος οὐρανός Гомера, противопоставляет этому представление о каменном небе в Библии. О связи 'неба' и 'камня' в шумерском языке см. Н. Я. Марр, ДАН-В, 1924, стр. 64.

[2] W. Spiegelberg, Zum Eisen im alten Ägypten, Rec. de trav., т. XXVI, стр. 166. Б. Б. Пиотровский, ДАН-В, 1929, стр. 3.

[3] W. Spiegelberg, ук. соч., стр. 166; Daressy, Ann. de Service, т. XXII, стр. 165—166; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 1—4.

[4] Pyr. 784—785. A. Rusch, Die Entwicklung der Himmelsgöttin Nut zu einer Toten-gottheit, стр. 6.

Ответственный и технический редактор *В. Миханкова*

Сдано в набор 22 x 1931 г. Подписано к печ. 22 V 1932 г. — Бум. 72 × 110. — Колич. печ. л. $1^1/_8$. — Колич. тип. зн. 53 500. — Тир. 1000

Ленгорлит № 6475. — Зак. № 278

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том IV. 5 р.

Содержание: Миллер, Краткий отчет о работах Сев.-Кавказской экспедиции 1923 г. Мещанинов, Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям; Миллер, Об армянских надписях в Болгарах и Казани; Крюгер, Эпиграфические мелочи; Миллер, Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом; Андреев, Деревянная колонна в Матче; Бартольд, Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.; Быков, Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде; Семенов; Новые находки в Ольвии; Зограф, Поправки к нумизматике Тиры; Кубе, Памятник полемической литературы конца царствования Людовика XVI; Дудин, К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии; Алексеев, Вид китайской древней книги; Романов, Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях; Фасмер, Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г.; Свирин, К вопросу о еврейско-португальской торевтике XVI в.; Ернштедт, К вопросу о стиле резчика Дексамена; Марр, Сухум и Туапсе; Тревер, Бронзовый водолей Киевского клада; Шилейко, Богазкейские таблетки в собрании Лихачева; Токарский, Предварительный отчет о поездке в Армению.

Том V. 5 р.

Содержание: Айналов, Vinciana; Готье, Кто были обитатели верхнего Салтова; Книпович, Ионийская ваза с Таманекого полуостр.; Карабинов, „Наместная икона“ древнего Киево-Печерского м-ря; Блаватский, Мелосский кратер геометрического стиля Гос. Музея Изящных Искусств; Блаватский, Две чернофигурные аттические вазы Музея Изящных Искусств; Брунов, К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии; Мерварт, Музейное дело в Индии; Сиверс, Медальер Беньямин Скот; Васильев, Готы в Крыму; Манцевич, Березанская амфора; Бауер, Древне-русский чекан; Котова, Памятник доисторической культуры эпохи расписной керамики в Моравии; Гирс, Бахрам-Гур и невольница; Зограф, Две группы херсонесских монет с заимствованными типами; Малицкий, К вопросу о датировке „Тверских“ врат Александровской слободы; Амиранашвили, О греческой надписи из окрестностей Мцхета; Мещанинов, Орнамент сузских чаш первого стиля; Штейн, Бронзовый браслет с Березани; Прушевская, Две древне-восточные бронзовые статуэтки.

Том VI.

Вып.	1. Марр — Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии	— 50 к.
Вып.	2. Якубовский — Развалины Ургенча	1 р. — к;
Вып.	3. Мещанинов — Кромлехи	— 60 к.
Вып.	4. Зограф — Римские монеты в Ольвии	— 40 к.
Вып.	5. Сидоров — О витье волокнистых веществ	— 40 к.
Вып.	6. Марр — Язык и письмо (распродано)	— —
Вып.	7. Мещанинов — Палеоэтнология и homo sapiens	— 50 к.
Вып.	8—9. Богаевский — Раковина в расписной керамике Китая, Крита и Триполья	1 р. 25 к.
Вып.	10. Пиотровский — Семантический пучок в памятниках материальной культуры	— 50 к.